

скрипка А

30 июль 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

30/07 82

БРАТ МОЙ — ДРУГ МОЙ

— Отправной точкой в искусство для нас явилась... крыша родного дома, — начинает, как и положено, старший из братьев — Фрунзе Мкртчян. — Во дворе разыгрывали любимые сцены из спектаклей, изображали героев прочитанных книг. Потом был рабочий клуб Ленинканской текстильной фабрики.

Было это в сорок втором году. Ленинкан — город, по сравнению с Москвой, крошечный, но и его сердце билось в унисон со всей страной... И вот в ту пору самодеятельные артисты поставили на клубной сцене «Гикора» по произведению армянского классика Ованеса Туманяна. Гикор — армянский Ванька Жуков. Его играл Альберт, а я — купца-мануфактурщика Базаза Артема, к которому в услужение в лавку приводит отец деревенского мальчонку. По роли я должен избивать Гикора. Шлепаю и слышу взволнованный голос матери с первых рядов: «Не бей ребенка, он же тебе брат!» Ну, разумеется, клуб взорвался хохотом.

Альберт Мкртчян: — Искусство требует жертв... Я все боли детства забыл, кроме войны, хотя было мне тогда всего четыре года. Фрунзе постарше, он с тридцатого года. Но я помню и лишения, и голод, и холод того времени. С утра пораньше управлялись с нехитрыми обязанностями по дому — и моментально на крышу. Играть в артистов. Не скажу, что тогда зародилось желание стать артистом, игра есть игра. Но что это дело мне тогда полюбили — факт. А с Фрунзе тут по-серьезнее. Его публика признала, на него уже улица показывала пальцем.

— Возвращение к детству сродни возвращению к истокам. Как отразилось былое в вашем творчестве?

А. М.: — Для нас детство на карте биографии обозначено Великой Отечественной. Тыл тылом, но крепкие армянские горы содрогнулись от ужасов фашизма, от потери и скорби. В «Памятнике» моего героя зовут Авак. Этот фильм о фронтовой дружбе, о братстве людей разных национальностей.

Ф. М.: — Памятник павшим возводит село, и рядом с именем сына на базальтовом обелиске Авак выводит своей рукой имя русского друга Василия. Хотя он и не из этой деревни. Они вместе

Шесть художественных лент снял режиссер Альберт Мкртчян, в полусотне картин снимался актер Фрунзе Мкртчян, из них в пяти — «Фотография», «Памятник», «Восток», «Крупный выигрыш», «Мои дорогие, добрые люди» — у младшего брата.

Словом, ситуация «брат мой — друг мой». Братья Мкртчяны размышляют о пути в большой кинематограф, рассказывают о себе.

сражались за Родину, спасая Авака, Василий погиб... Вот и все.

А. М.: — И в «Фотографии», и в «Памятнике» я хотел донести до зрителей эхо минувшей войны. Они, конечно, далеки от развернутых батальных полотен. Но, согласитесь, есть особая прелесть в моментальных, «минутных» снимках на память, где все выцвело, пожелтело и стерлось от времени, но они волнуют, тревожат душу и совесть, вызывают возвышенные воспоминания о друге, настоящем человеке, о том, что прошумело над эпохой и твоей судьбой.

Ф. М.: — Человек черпает силы в прошлом, живет кон-

ки» и «наперекор», но, может, точнее было бы «благодаря»? Потому что нередко человек становится гражданином как раз благодаря трудностям, преодолевая барьеры. В испытании закаляется характер — так же, как сталь в огне. Фрунзе играет роль главного героя, почтальона Николая.

— Роль почтальона трагическая. Вас это обстоятельство не смущало, Фрунзе Мухомович? Ведь вы актер преимущественно комедийного плана. Чем объяснить смену амплуа?

Ф. М.: Я считаю ограниченное, заданное раз и навсегда амплуа явлением негативного порядка. Ограниченные, од-

круг, облизываешься, но не притронешься, пока не остынет. Горячо играть роль — значит пороть горячку. Первый и самый главный вопрос для меня — почему? Почему герой поступает так или иначе? Почему он произносит этот, а не другой монолог? Ведь не случайно Болконский услышал Наташу в лунную ночь и не случайно хромал Ричард III.

Недавно я снимался в новом азербайджанском фильме в небольшой роли. По сценарию мой герой хромает. Я спрашиваю режиссера: отчего он хромает? Радикулит? Полиартрит? Врожденный физический недостаток? Выясняется, инвалид войны. По роли я открываю двери различных кабинетов. Очень хорошо. Я открываю двери, припадая на правую ногу, прохожу к середине кабинета и, показывая рукой на ногу, произношу: «Война». Наверное, все-таки в искусстве нет пустяков.

— А как к такому любопытству относится режиссер? Не видит ли он здесь ущемления своих прав?

А. М.: — О нет. Я часенко плюсюю наши полярные точки зрения, чтобы вывести золотую середину. Истина — в середине. Она оттого и называется золотой.

Я снял без участия брата картину «Добрая половина жизни», она недавно отмечена Государственной премией республики. В фильме для меня главный вопрос: как живешь, человек? Какова нравственная атмосфера, в которой ты пребываешь? Тема продиктовала остроту и публицистичность. В главных ролях заняты прекрасные актеры Гуж Манукян и Шаум Казарян. Мне брат после просмотра сказал: «У тебя и без меня хорошо выходит. Ты оторвался далеко от родной крыши». В шутку немножко.

Ф. М.: — Но и всерьез!
А. М.: — Я вижу ленту, где Фрунзе играет роль человека, внешне благополучного, счастливого, но у которого на душе, увь, грустно.

— Ну что ж, нам остается пожелать вам счастливого родственного содружества. Мы вам желаем братских успехов на поприще искусства.

Ф. М.: — Если б наша команда «Апарат» состояла из братьев, уверен — победа была бы обеспечена.

Беседу вели

С. АЛЕКСАНДРОВ,
И. ВЕРДИАН.

ЕРЕВАН.

БЕСЕДА О ВЕЩАХ СЕРЬЕЗНЫХ И НЕМНОЖКО СМЕШНЫХ

кретными делами настоящего и надеждами на будущее. Ни одно звено из этого триединства не должно выпасть из поля зрения художника. Детство, подростковый возраст, молодость и, наконец, зрелость — единая органичная нравственная взаимосвязь.

— Но нет ли в погружении в прошлое ухода от злобы дня, от действительности?

А. М.: — Ни толки! Мой первый большой фильм «Добрая половина жизни» — рассказ о том, как расходятся пути двух друзей детства, ставших взрослыми людьми. Желая подчеркнуть степень морального падения отрицательного персонажа, я ввел в ткань ретрокадры: мальчишки бегут с граммофоном к старому заветному дубу слушать любимую мелодию. Картина чистого прошлого оттеняла падение нынешнего хапуги.

— Расскажите о вашем, с Фрунзе, новом фильме.

А. М.: — Новый наш фильм под условным названием «Спектакль начинается» рассказывает о простых людях нашего двора, выдержавших все испытания судьбы и времени, вопреки и наперекор всему оставшихся настоящими людьми. Я машинально сказал «вопре-

ноплановые роли — порождением ограниченного взгляда на жизнь. Кто Смокуновский? Комик или трагик? Талант многообразен в своем выражении, и всякий режиссерский часток губителен для истинного таланта. Оливье — блестящий Отелло, но я видел его, изображающего куклу. Да и в конце концов от великого до смешного — один миллиметр, и зачастую демаркационная линия между ними невооруженным глазом не проглядывается, размыта. Они органически сплетены, одно вытекает из другого, приходит и выходит.

А. М.: — Фрунзе в первом же моем фильме пробовался на роль драматическую. Зная его, я безошибочно видел на экране грустные глаза, переживание и сопереживание горю. Иначе не могло и быть. Я-то знаю актерскую природу старшего брата...

Ф. М.: — Во время съемок Леонид Гайдай восклицал: «Да посмотрите на него. Какой он комик, у него грустные глаза!» Я хочу поведать людям весело о грустном. Душевный исход печали должен заключаться в радости. Она — облегчение тяжелого груза.

К новой роли относишься, как кошка к блюдецку с горячим молоком, — ходишь во-

234

30 июля 1982

30/07-82

БРАТ МОЙ — ДРУГ МОЙ

— Отправной точкой в искусстве для нас явилась... крыша родного дома, — начинается, как и положено, старший из братьев — Фрунзе Мкртчян. — Во дворе разыгрывали любимые сцены из спектаклей, изображали героев прочитанных книг. Потом был рабочий клуб Ленинканской текстильной фабрики.

Было это в сорок втором году. Ленинкан — город, по сравнению с Москвой, крошечный, но и его сердце билось в унисон со всей страной... И вот в ту пору самодеятельные артисты поставили на клубной сцене «Гикора» по произведению армянского классика Ованеса Туманяна. Гикор — армянский Ванька Жуков. Его играл Альберт, а я — купца-мануфактурщика Базаза Артема, к которому в услужение в лавку приводит отец деревенского мальчонку. По роли я должен избивать Гикора. Шлепаю и слышу взволнованный голос матери с первых рядов: «Не бей ребенка, он же тебе брат!» Ну, разумеется, клуб взорвался хохотом.

Альберт Мкртчян: — Искусство требует жертв... Я все боли детства забыл, кроме войны, хотя было мне тогда всего четыре года. Фрунзе постарше, он с тридцатого года. Но я помню и лишения, и голод, и холод того времени. С утра пораньше управлялись с нехитрыми обязанностями по дому — и моментально на крышу. Играть в артистов. Не скажу, что тогда зародилось желание стать артистом, игра есть игра. Но что это дело мне тогда полюбились — факт. А с Фрунзе тут посерьезнее. Его публика признала, на него уже улица показывала пальцем.

— Возвращение к детству сродни возвращению к истокам. Как отразилось былое в вашем творчестве?

А. М.: — Для нас детство на карте биографии обозначено Великой Отечественной. Тыл тылом, но крепкие армянские горы содрогнулись от ужасов фашизма, от потерь и скорби. В «Памятнике» моего героя зовут Авак. Этот фильм о фронтовой дружбе, о братстве людей разных национальностей.

Ф. М.: — Памятник павшим возводит село, и рядом с именем сына на базальтовом обелиске Авак выводит своей рукой имя русского друга Василия. Хотя он и не из этой деревни. Они вместе

Шесть художественных лент снял режиссер Альберт Мкртчян, в полусотне картин снимался актер Фрунзе Мкртчян, из них в пяти — «Фотография», «Памятник», «Востун», «Крупный выигрыш», «Мои дорогие, добрые люди» — у младшего брата.

Словом, ситуация «брат мой — друг мой». Братья Мкртчяны размышляют о пути в большой кинематограф, рассказывают о себе.

сражались за Родину, спасая Авака, Василий погиб... Вот и все.

А. М.: — И в «Фотографии», и в «Памятнике» я хотел донести до зрителей эпоху минувшей войны. Они, конечно, далеки от развернутых батальных полотен. Но, согласитесь, есть особая прелесть в моментальных, «минутных» снимках на память, где все выцвело, пожелтело и стерлось от времени, но они волнуют, тревожат душу и совесть, вызывают возвышенные воспоминания о друге, настоящем человеке, о том, что прошумело над эпохой и твоей судьбой.

Ф. М.: — Человек черпает силы в прошлом, живет кон-

ки» и «наперекор», но, может, точнее было бы «благодаря»? Потому что нередко человек становится гражданином как раз благодаря трудностям, преодолевая барьеры. В испытании закаляется характер — так же, как сталь в огне. Фрунзе играет роль главного героя, почтальона Никола.

— Роль почтальона трагическая. Вас это обстоятельство не смущало, Фрунзе Мушегович? Ведь вы актер преимущественно комедийного плана. Чем объяснить смену амплуа?

Ф. М.: Я считаю ограниченное, заданное раз и навсегда амплуа явлением негативного порядка. Ограниченные, од-

БЕСЕДА О ВЕЩАХ СЕРЬЕЗНЫХ И НЕМНОЖКО СМЕШНЫХ

кретными делами настоящего и надеждами на будущее. Ни одно звено из этого триединства не должно выпасть из поля зрения художника. Детство, подростковый возраст, молодость и, наконец, зрелость — единая органичная нравственная взаимосвязь.

— Но нет ли в погружении в прошлое ухода от злобы дня, от действительности?

А. М.: — Ни толики! Мой первый большой фильм «Добрая половина жизни» — рассказ о том, как расходятся пути двух друзей детства, ставших взрослыми людьми. Желая подчеркнуть степень морального падения отрицательного персонажа, я ввел в ткань ретрокадры: мальчишки бегут с граммофоном к старому заветному дубу слушать любимую мелодию. Картина чистого прошлого оттеняла падение нынешнего хапуги.

— Расскажите о вашем, с Фрунзе, новом фильме.

А. М.: — Новый наш фильм под условным названием «Спектакль начинается» рассказывает о простых людях нашего двора, выдержавших все испытания судьбы и времени, вопреки и наперекор всему оставшихся настоящими людьми. Я машинально сказал «вопре-

ноплановые роли — порождением ограниченного взгляда на жизнь. Кто Смоктуновский? Комик или трагик? Талант многообразен в своем выражении, и всякий режиссерский часток губителей для истинного таланта. Оливье — блестящий Отелло, но я видел его, изображающего куклу. Да и в конце концов от великого до смешного — один миллиметр, и зачастую демаркационная линия между ними невооруженным глазом не проглядывается, размыта. Они органически сплетены, одно вытекает из другого, привходит и выходит.

А. М.: — Фрунзе в первом же моем фильме пробовался на роль драматическую. Зная его, я безошибочно видел на экране грустные глаза, переживание и сопереживание горю. Иначе не могло и быть. Я-то знаю актерскую природу старшего брата...

Ф. М.: — Во время съемок Леонид Гайдай восклицал: «Да посмотрите на него. Какой он комик, у него грустные глаза!» Я хочу поведать людям весело о грустном. Душевный исход печали должен заключаться в радости. Она — облегчение тяжелого груза.

К новой роли относишься, как кошка к блюде с горячим молоком, — ходишь во-

круг, облизываешься, не притронешься, пока не охладит. Сгоряча играть роль значит пороть горячку. Первый и самый главный вопрос для меня — почему? Почему герой поступает так или иначе? Почему он произносит это, а не другой? Почему. Ведь не случайно Болдинский услышал Наташу в одну ночь и не случайно полюбил Ричард III.

Недавно я снимался в новом азербайджанском фильме в небольшой роли. Сценарию мой герой хромота. Я спрашиваю режиссера: чего он хромота? Радикулит? Полиартрит? Врожденный физический недостаток? Объясняется, инвалид войны. Роли я открываю двери различных кабинетов. Очень рошно. Я открываю две припавшие на правую ногу прохаживаю к середине кабинета и, показывая рукой на ногу, произношу: «Война». Верное, все-таки в искусстве нет пустяков.

— А как к такому опыту относится режиссер? Не видит ли он здесь ущемления своих прав?

А. М.: — О нет. Я стенько плюсюю наши полные точки зрения, чтобы вести золотую середину. Истина — в середине. Оттого и называется золотой.

Я снял без участия брата картину «Добрая половина жизни», она недавно отмечена Государственной премией республики. В фильме меня главный вопрос: как живешь, человек? Какова нравственная атмосфера, которой ты пребываешь? Тма продиктовала остроту публицистичности. В главных ролях заняты прекрасные актеры Гуж Манукян, Шаум Казарян. Мне брат после просмотра сказал: «Тебя и без меня хорошо видно. Ты оторвался далеко от родной крыши». В шутку немножко.

Ф. М.: — Но и всерьез!

А. М.: — Я вижу ленты, где Фрунзе играет роль человека, внешне благополучного, счастливого, но у которого на душе, увы, грустно.

— Ну что ж, нам остается пожелать вам счастливое родственное содружество. Мы вам желаем братских успехов на поприще искусства.

Ф. М.: — Если б наша команда «Арагат» состояла из братьев, уверен — победа была бы обеспечена.

Беседу вели
С. АЛЕКСАНДРОВ,
И. ВЕРДИАН.
ЕРЕВАН.

455